

Две абсолютно одинаковые фигурки с белоснежными волосами взмыли в воздух, на мгновение столкнулись и тут же разлетелись в стороны с такой невероятной скоростью, что взгляд успевал ловить лишь тающие призрачные послеобразы.

Каждое их приземление отзывалось глухим ударом, от которого земля шла трещинами и взрывалась глубокими воронками. В воздухе свистел яростный ветер от их ударов, круша и превращая в щепки всё, до чего долетал напор кулаков.

Стоявший в отдалении высокий, крепко сложенный мужчина средних лет молча наблюдал за этой бурей. Глядя на то, какое побоище устроили два едва достигших семилетнего возраста ребенка, он мог лишь горько, бессильно вздохнуть.

Вот она — непреодолимая пропасть, разделяющая простых смертных и магов. Он, преемник прославленной школы рукопашного боя Накадзима, многократный чемпион страны, чье имя гремело на аренах, всегда отличался гордым нравом и непоколебимой уверенностью в собственных силах. И надо же было случиться такому: сейчас его профессиональная гордость была растоптана в пух и прах двумя мальчишками, которых он взялся обучать боевым искусствам.

Семья Накадзима, известная своими бойцовскими традициями, в прошлом при довольно туманных обстоятельствах столкнулась с изнанкой этого мира. Маг, который когда-то помог им очистить родовое гнездо от проклятого духа, оказался выходцем из клана Годжо. Благодаря этому случаю между мастерами боевых искусств и великим семейством завязались кое-какие связи.

Разумеется, для высокомерных магов это знакомство было ничтожным: они лишь снисходительно помнили, что на свете существуют некие бойцы по фамилии Накадзима.

Однако этого скромного упоминания хватило, чтобы старейшины Годжо вспомнили о них, когда решили подыскать наставника по рукопашному бою для своих «божественных детей». Идеальным кандидатом должен был стать именно не-маг.

Будучи сильнейшим мастером в своей семье, Накадзима без труда получил это почетное место.

Прибыв в поместье Годжо, он поначалу растерялся, узнав, что его подопечными станут близнецы — шестилетние крохи.

Накадзима счел это пустой тратой своего таланта. Учить шестилеток драться? Это ведь обычная детская возня, игра в песочнице! С подобной задачей легко справился бы любой заурядный тренер из привокзальной секции.

Впрочем, вида он не подал. Клиенты были из великого клана, а баснословный гонорар заставлял закрыть глаза на любые уязвленные амбиции, так что мастер твердо вознамерился дать мальчикам лучшую базовую подготовку.

Но суровая реальность быстро выбила из него всю спесь. Эти двое оказались кем угодно, только не обычными детьми. Крошечные, хрупкие на вид, они обладали пугающей, сокрушительной силой.

Если говорить о чистой силе, то стоило молодым господам использовать проклятую энергию, как они без малейшего труда укладывали наставника на лопатки. Единственное, что он действительно мог им передать, — это отточенную до автоматизма технику рукопашного боя и богатейший тактический опыт, накопленный за годы выступлений на ринге.

Но и эти крупницы знаний мальчики впитали за какие-то пару месяцев. Теперь обучать их было попросту нечему.

«И это вся разница между нами? Между магами и простыми смертными?»

Накадзима смотрел на увлеченно сражающихся Хару и Сатору, чувствуя, как внутри ворочается глухая, бессильная обида.

Но против природы не попрешь. Если небо обделило тебя талантом к магии — ты останешься никем. С этим врожденным неравенством ничего нельзя было поделать.

Когда тренировочная площадка превратилась в безжизненное месиво из грязи и щепок, Хара и Сатору наконец прекратили поединок. Привычными, отточенными движениями они поправили растрепавшиеся одежды и чинно подошли к мужчине.

Хара, безошибочно считав выражение лица наставника, вежливо произнес:

— Благодарим за уроки, учитель Накадзима. Думаю, на этом мы закончим наше обучение. Если у вашей семьи возникнут какие-то трудности, вы всегда можете обратиться к клану Годжо за поддержкой.

Мужчина не удивился. Он понимал, что этот день настанет, и давно внутренне приготовился к расчету.

— Премного благодарен вам, молодые господа, — он почтительно поклонился и покинул поместье.

После его ухода клан Годжо продолжил нанимать других учителей. В усадьбе один за другим сменялись лучшие мастера среди обычных людей: непревзойденные фехтовальщики кэндо, чемпионы по дзюдо, карате и даже джиткундо...

Из-за глубоко укоренившегося презрения магов к обычным людям, клан Годжо приглашал этих наставников в строжайшей тайне. Враждебные фракции, неусыпно следившие за каждым шагом великой семьи, из-за своего чванства попросту игнорировали этих «ничтожных»

смертных, а потому ничего не заподозрили. Это позволило Харе и Сатору спокойно, без лишнего шума продолжать тренировки, о которых внутри самого клана знали лишь единицы.

Освоив множество разнообразных техник и переняв у смертных немало хитрых приемов, Сатору как-то раз искренне удивился:

— А эти обыватели не так уж безнадежны. Почему наши домашние гнилые мандарины так их презирают?

Да, у простых людей почти не было проклятой энергии, они были лишены врожденных техник и не могли видеть проклятых духов, но в других областях их достижения действительно заслуживали уважения.

Получив от своих наставников массу полезных знаний, Сатору искренне перестал понимать слепое высокомерие сородичей.

Хара на мгновение задумался, а затем спокойно ответил:

— Наверное, потому что у них в головах феодальная гниль. Для них магия — это единственный критерий ценности, а чужие успехи они в упор не видят. Им никогда не понять, что у любого врага можно чему-то научиться, чтобы стать еще сильнее.

Сатору презрительно фыркнул:

— Гнилые мандарины и есть!

— Тебе так сильно не нравятся наши гнилые мандарины, Сатору? — с мягкой улыбкой поинтересовался Хара.

— А за что их любить? — проворчал брат. — Только и знают, что лезть со своими дурацкими правилами. Смотрят вечно так мерзко, будто мы их собственность. Спят и видят, как бы полностью прибрать нас к рукам.

Если бы не изнуряющая, непрерывная работа «Шести глаз», державшая обоих близнецов в состоянии вечного утомления, Сатору бы давно с огромным удовольствием по очереди размозил этих упрямых гнилых мандаринов. Но пока им обоим было попросту лень тратить на это силы.

Хара задумчиво прищурился. Он поднял руку и нежно пригладил упрямый, вечно взъерошенный белый вихор на макушке младшего.

— Потерпи еще немного. Пройдет совсем немного времени, и все эти гнилые мандарины

исчезнут сами собой.

Сатору не уловил зловещего подтекста в словах брата. Он решил, что Хара просто шутит про дряхлый возраст гнилых мандаринов, которые и без того уже одной ногой стояли в могиле.

— Отлично! Скорей бы они уже совсем сгнили!

Он даже весело захлопал в ладоши, не забыв при этом запихнуть в рот пухлый клубничный дайфуку.

Чем чаще близнецы выезжали на настоящие задания за пределы поместья, тем больше всевозможных сладостей оседало в их покоях.

Их просторные комнаты, некогда дышавшие суровым и изящным монастырским духом старой Японии, теперь ломались от плодов современной цивилизации. Огромный холодильник, телевизор и новейшие игровые приставки заняли почти все свободное пространство, изрядно разбавив антикварный интерьер.

Феодалные гнилые мандарины клана Годжо косо смотрели на этот технологический «мусор», искренне веря, что подобные игрушки лишь развратят юных божеств и помешают их духовному росту. Поначалу они пытались запретить ввоз техники в поместье, но удержать близнецов под замком было невозможно.

Вкусив прелестей большого города, Хара и Сатору наотрез отказались прозябать в унылой изоляции. Любые попытки клана ограничить их свободу натывались на столь жесткий и яростный отпор, что старейшинам волей-неволей пришлось пойти на попятную, безропотно выполняя любые капризы мальчиков.

Однако Хара прекрасно понимал: этих мелких побед недостаточно. Верхушка гнилых мандаринов клана Годжо по-прежнему видела в них лишь живое оружие, ценных идолов, которых нужно ублажать, но держать на коротком поводке.

Вспомнив, как Глава клана слащавым голосом раз за разом вбивал им в головы липкие поучения вроде: «Вы — будущее нашей семьи, сильнейшие маги этого века. Ваша святая обязанность — нести это бремя и оберегать величие Годжо», Хара помрачнел. В его бездонных лазурных глазах на мгновение вспыхнул холодный, расчетливый огонь.

Раз уж клан так настойчиво пытается навязать им роль будущих лидеров и защитников, попутно пытаясь манипулировать ими, то почему бы не пойти дальше? Почему бы им самим не взять полную власть над кланом Годжо?

Если им суждено стать сильнейшими магами эпохи, то пускай весь мир склонится перед этой силой и беспрекословно выполняет их приказы.

Дешевые манипуляции немощных стариков не производили на Хару ни малейшего впечатления. Вместо того чтобы поддаваться чувству долга, он уже вовсю размышлял над тем, как прибрать к рукам все ресурсы великого семейства.

Даже погрузившись в планирование государственного переворота местного масштаба, Хара не забывал заботиться о брате. Он привычным, ласковым движением забрал из рук Сатору очередную коробку пирожных, аккуратно снял обертку и протянул обратно. На его лице сияла мягкая, теплая улыбка, пока он любовался тем, как забавно Сатору раздувает щеки, уплетая десерт.

Ради того, чтобы сохранить эту беззаботную детскую улыбку, любые гнилые мандарины должны были безропотно сгнить и исчезнуть с лица земли.

Сатору, млея от непрерывной заботы, уплетал сладости за обе щеки, напрочь лишившись всякого чувства меры. А обожавший брата Хара даже не думал его останавливать — потакание любым капризам младшего было его главным удовольствием.

Впрочем, Сатору требовал сладкого не из обычного каприза. Постоянная работа «Шести глаз» поглощала колоссальное количество глюкозы, так что прожорливость была жизненно важной физиологической необходимостью для его перегруженного мозга.

Сам Хара для восполнения дефицита энергии без конца жевал безвкусные высококалорийные батончики, которые для него специально разрабатывали семейные фармацевты.

Но Сатору эти серые прессованные плитки казались редкостной гадостью. Он брезгливо воротил от них нос, предпочитая нежнейшие суфле и тающие во рту конфеты.

Увы, ни один из братьев тогда не догадывался, какими последствиями обернется этот праздничный пир. Глубокой ночью Сатору внезапно проснулся от дикой, резкой зубной боли — его прелестная круглая щечка распухла до пугающих размеров.

<http://bllate.org/book/19549/1985591>